

рабочий класс и современный мир

6. 1990
ноябрь-декабрь

**«Повивальная бабка истории»:
российский вариант**

За пределами стратегии

Этноплюрализм: утопия или реальность!

П 23
2850 2

рабочий класс и современный мир

Институт
международного
рабочего движения
научный и общественно-
политический журнал
Издается с 1971 г.
Выходит 6 раз в год
№ 6 (120) 1990
НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ
Создана Трудового
Красного Знамени
издательство
«Прогресс», Москва

СОДЕРЖАНИЕ

Журнал начинается с читателя	5
СОЦИАЛИЗМ БУДУЩЕГО В ФОКУСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ	
Адам Шафф. «Белые пятна» современного социализма	7
ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ	
Ю. В. Шишков. «Повивальная бабка» истории: российский вариант	29
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ	
В. С. Рыкин. Вилли Брандт — «отец разрядки»	40
А. А. Сосновский. Лула: нужен ли Бразилии президент-рабочий?	47
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПОЛИТОЛОГА	
Брэдли С. Клейн. За пределами стратегии	54
Е. Л. Максимова. Левые и правые в современной политической культуре Запада	66
П. Е. Кандель. Социальный конфликт в монистической системе (Опыт теоретического анализа)	77
МИР ТРУДА	
В. И. Маслов. Институт участия в странах Европы: кризис, пути обновления	88
В. И. Бакулин, О. Л. Лейбович. Рабочие, «спецы», партийцы (О социальных истоках «великого перелома»)	98
СОВРЕМЕННОЕ ЗАПАДНОЕ ОБЩЕСТВО	
И. С. Семененко. Итальянский крупный бизнес: социально-политический срез	111
Х. Т. Загладина. Этноплюрализм: утопия или реальность?	121
С. М. Хенкин. Испанские социалисты: политическая практика и научные изыскания	132
ИСТОЧНИКИ	
Роза Люксембург. Организационные вопросы русской социал-демократии	141
ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОВУЮ КНИГУ	
Карло Росселли. Либеральный социализм	151
Ганс Гюнтер. Утопия и утопическое мышление	159
ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ	
Б. Н. Шапталов. Маргиналы и социализм	168

ГОС. НАУЧНО-БИБЛИОТ. ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Ленинград
09 1990 г. акт 1226

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Б. Н. Жарков, Б. Г. Столповский. Госаппарат и госслужащие в условиях структурных изменений (Исследование МОТ)	172
С. Г. Айвазова. «Мария», или Десять лет спустя	177
Д. В. Кухарчук. Все о социал-демократии	180
А. Я. Лившин. Такая разная советология	182
КОРОТКО О КНИГАХ	185
Статьи и материалы, опубликованные в журнале в 1990 году	187
Содержание на английском языке	191

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В НОВОМ, 1991 ГОДУ НАШ ЖУРНАЛ
ПРЕОБРАЗУЕТСЯ В ЖУРНАЛ
ПОД НАЗВАНИЕМ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
(«ПОЛИС»)

ОБНОВЛЯЮЩИЙСЯ ЖУРНАЛ —
ОБНОВЛЯЮЩЕМУСЯ МИРУ!
ЖУРНАЛ СОХРАНЯЕТ СВОИ
ЛУЧШИЕ ТРАДИЦИИ

В каталогах «Союзпечати» новый журнал значится
под индексом 70790

НЕ ЗАБУДЬТЕ ОФОРМИТЬ
ПОДПИСКУ!

Редакционная коллегия:

И. К. ПАНТИН (главный редактор), С. И. ВАСИЛЬЦОВ,
А. Б. ВЕБЕР, А. И. ВОЛКОВ, А. И. ВОРОНИН (отв. секретарь),
А. А. ГАЛКИН, М. О. КАРАМАНОВ, Э. В. КЛОПОВ,
Б. И. КОВАЛЬ, Ю. А. КРАСИН, В. Ф. ЛИ, В. И. МАРЦИН-
КЕВИЧ, М. Ф. НЕНАШЕВ, Э. Е. ОБМИНСКИЙ, М. Е. ПАВЛОВ-
ВА-СИЛЬВАНСКАЯ, С. В. ПАТРУШЕВ, В. Б. РЫБАКОВ,
В. И. СТЕПАНОВ, Ю. В. ШИШКОВ, А. Э. ЭКШТЕЙН,
Г. И. ЯНАЕВ.

© «Рабочий класс и современный мир», 1990

От редакции. Публикуемая ниже работа Розы Люксембург (1871—1919) — ее вклад в дискуссию по организационным вопросам, которая развернулась в РСДРП в первые годы нашего века. Актуальность этой почти забытой у нас работы несомненна, ибо в ней поднимаются проблемы, остро стоящие и сегодня, — о соотношении демократии и социализма, формальной и непосредственной демократии, самоуправления и централизма.

Вступительная статья, подготовка текста и примечания кандидата философских наук Е. А. Самарской (Институт философии АН СССР).

Как известно, борьба по организационным вопросам в РСДРП началась на втором съезде партии и усилилась после него. Она шла между «твердыми» (большинство, сложившееся к концу съезда) и «мягкими» (меньшинство съезда) искровцами. Непосредственным толчком к дискуссии послужило стремление Ленина организационно закрепить на съезде изменение состава редакции «Искры», выведя из нее Аксельрода, Потресова, Засулич. В знак протеста Мартов отказался войти в состав измененной редакции. Большевики добивались восстановления старой редакции, а также предоставления меньшинству мест в ЦК и в Совете партии. Они этого добились, но Ленин в результате ушел из редакции. Борьба имела сильную личностную окраску, но это не должно заслонять от нас того обстоятельства, что в ходе нее были подняты принципиальные вопросы, имеющие большой политический, этический и социально-философский смысл. В дискуссии приняли участие и признанные лидеры европейской революционной демократии К. Каутский и Р. Люксембург, которые отрицательно отнеслись к организационным проектам Ленина (1).

Ленин изложил свое понимание разногласий с меньшевиками в известной работе «Шаг вперед, два шага назад». В ней он оценивает позицию меньшинства как «оппортунизм в организационных вопросах» (2, т. 8, с. 188), как отказ от принципа централизма и возврат к кружковщине. Стоит посмотреть, в каких понятиях Ленин осмысливал оппозицию меньшинства большинству в РСДРП: для него это «автономизм» против «централизма», противоположность двух моделей построения партии — большевистской («сверху вниз, исходя из партийного съезда и из созданных им учреждений») и меньшевистской («снизу вверх, предоставляя зачислять себя в члены партии всякому профессору, всякому гимназисту и «каждому стачечнику») (2, т. 8, с. 189).

Однако упреки меньшевикам со стороны Ленина в «автономизме», «антицентрализме» вряд ли справедливы. Ведь до съезда будущие меньшевики вместе с Лениным боролись за создание единой централизованной партии. Их трактовки организационных разногласий сви-

детельствуют скорее о том, что меньшевики выступали не против централизма как такового, а за какой-то другой централизм. Суть последнего обозначалась часто словами «самочентрализм» рабочего движения, «естественное» развитие централизма. Мартов в связи с итогами съезда говорил об «искусственно» созданных центрах, о «механическом» проведении принципа централизма, о «централистическом бюрократизме» Ленина, которому противопоставлялся «социал-демократический централизм» (см. 3). Аксельрод в № 55 и 57 «Искры» писал, что съезд объединил партию «формально», привел к торжеству «бюрократического централизма». По его мнению, это противодействовало развитию политической самостоятельности рабочих, превращало членов партии «в винтики, колесики, которыми по личному усмотрению распоряжается всеведущий центр», создавало угрозу подчинения рабочего движения «профессиональным революционерам» из интеллигенции.

Не только лидеры меньшевизма, но и рядовые партийцы из местных организаций нередко высказывали тогда недовольство съездом, выборами на нем и вообще «организационной демократией» (см., например, 3, с. 63). Одна из причин этого была, по-видимому, в том, что съезд работал в условиях нелегальности, а это не могло не вести к нарушениям норм демократического представительства и в перспективе к отрыву органов, выбранных съездом, от низовых организаций. Мартов писал в № 53 «Искры»: «...чем более мы вынуждены русскими условиями вытравить из наших организационных отношений формально-«демократическое» начало, тем более мы должны избегать замены его столь же формально-«бюрократическим» принципом...» С этой точки зрения, полагал автор, следовало отказаться от демократических принципов в партийных отношениях просто в силу невозможности их правильного применения в партии, действующей нелегально в стране, где господствует полицейский режим и нет никакого опыта политической демократии.

Так писал в своем письме в «Искру» и Каутский. Для него главным, определяющим, что следовало бы в первую очередь учитывать при выборе организационной модели для

РСДРП, являлось ее нелегальное положение. Р. Люксембург вышла за рамки прагматического подхода к организационным вопросам. Она была убеждена в приоритете воли и непосредственных действий масс в социалистическом движении относительно воли партийных центров. Р. Люксембург обвинила Ленина в своеобразном оппортунизме, в приверженности к организационным структурам яковинско-бланкистского типа, в стремлении утвердить в социал-демократии дисциплину наподобие той, которая существовала на капиталистической фабрике, в казарме, насаждалась всей системой буржуазного бюрократизма. Жесткой иерархии организационных звеньев, безусловному подчинению низовых ячеек воле центра Р. Люксембург противопоставила самодисциплину массового социалистического движения, его «самоцентрализм».

Ответ Ленина Р. Люксембург, написанный в сентябре 1904 г., но остававшийся не опубликованным до 1930 г., свидетельствует о том, что Ленин не увидел новизны в ее постановке вопроса. Она считает, пишет Ленин, что я защищаю принципы одного типа централистической организации против другого типа, а на самом деле «я защищаю элементарные положения любой системы любой мыслимой партийной организации» (2, т. 9, с. 39). Ленин прошел мимо тех поисков в духе непосред-

ственной демократии, самостоятельности масс, которые составляли глубинное содержание статьи Р. Люксембург и рассуждений меньшевиков об «искусственных» и «естественных» центрах.

В заключение следует отметить, что идея прямой демократии, приоритета действий масс перед волей партийных центров в социалистическом движении не представляли все же законченной системы взглядов ни у Р. Люксембург, ни у меньшевиков. Их позиции в организационных вопросах могут быть охарактеризованы скорее как смесь формально-демократических принципов и установок в пользу прямого действия. С другой стороны, и в работах Ленина разных периодов можно встретить высказывания насчет большой роли непосредственных действий масс в революционном процессе. Так что проведенное выше противопоставление ленинского «формализма», «бюрократизма» и защиты принципов прямой демократии со стороны Р. Люксембург или меньшевиков можно считать аутентичным лишь при условии восприятия его в конкретно-историческом контексте событий в российском социалистическом движении начала века.

Е. А. Самарская

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Роза Люксембург

I

На долю русской социал-демократии выпала своеобразная, беспримерная в истории социализма задача: в самодержавном государстве выработать тактику социал-демократическую, т. е. соответствующую классовой борьбе пролетариата. Обычное сравнение современного положения дел в России с эпохой господства законов против социалистов в Германии неудачно, поскольку имеется в виду оценка России с точки зрения полицейских, а не политических условий. Препятствия, которые ставит массовому движению отсутствие демократических свобод, имеют сравнительно второстепенное значение: массовое движение в России сумело прорваться через преграды самодержавного порядка и создать себе свою собственную, хотя и хромую «конституцию» уличных беспорядков. Оно сумеет делать это и впредь, вплоть до своей окончательной победы над самодержавием. Главное затруднение для социал-демократической борьбы в России заключается в том, что классовое господство буржуазии затемняется господством самодержавного насилия; это господство самодержавия неизбежно придает социалистической проповеди классовой борьбы абстрактно пропагандистский, а непосредственной политической агитации — по преимуществу революционно-демократический характер. Закон против социалистов (4) пытался только поставить вне конституции рабочий класс, и это в высоко развитом буржуазном обществе, с вполне обнаженными и развернувшимися в парламентской борьбе классовыми противоречиями: в этом-то и состояло безумие, нелепость бисмарковской затеи. В России же, наоборот, приходится совершить обратный эксперимент: создать социал-демократию при отсутствии непосредственного политического господства буржуазии.

Это своеобразно видоизменяет не только вопрос о перенесении социалистического учения на русскую почву, не только вопрос об агитации, но и вопрос об организации.

В социал-демократическом движении, в отличие от прежних опытов утопического социализма, и организация не представляет собой искусственного продукта пропаганды, но является продуктом классовой борьбы, в которую социал-демократия только вносит политическое сознание. При

В этом отношении социал-демократия создает совсем другой тип организации, чем прежние социалистические движения, например якобинско-бланкистского типа.

Ленин, кажется, недооценивает этого, когда в своей книге (с. 140; 2, т. 8, с. 368—370) думает, что революционный социал-демократ есть не кто иной, как «якобинец», неразрывно связанный с организацией пролетариата, созвавшего свои классовые интересы. Отличия социал-демократии от бланкизма исчерпываются для Ленина организованностью и классовым сознанием пролетариата в противоположность заговору небольшого меньшинства. Он забывает, что отсюда вытекает полная переоценка организационных понятий, совершенно новое содержание вкладываемое в понятие централизма, совершенно новое понимание взаимоотношений между организацией и борьбой.

Бланкизм не опирается на непосредственную классовую деятельность рабочих масс и не нуждается поэтому в организации масс. Напротив, так как широкие народные массы должны были появиться впервые на поле борьбы лишь в момент революции, а предварительная деятельность состояла в подготовке революционного удара небольшим меньшинством, то резкое ограничение предназначенных для этой определенной деятельности личностей от народной массы было прямо необходимо для удачного выполнения их задачи. Но в то же время это было возможно и исполнимо потому, что между конспираторской деятельностью бланкистской организации и повседневной жизнью народных масс не было никакой внутренней связи.

Вместе с тем и тактика, и ближайшие задачи деятельности, импровизируемые свободно и по вдохновению, без связи с почвой элементарной классовой борьбы, вырабатываемые наперед до мельчайших подробностей, отвалились в форму заранее намеченного плана. Поэтому действующие члены организации естественно превращались в чисто исполнительные органы вне их поля зрения существующей и заранее определяемой воли, в орудия ЦК. Отсюда вытекает и вторая особенность заговорщического централизма: абсолютное, слепое подчинение отдельных органов партии ее центральному учреждению, распространяющему свою безапелляционную власть вплоть до самой периферии партийной организации.

В корне отличны условия социал-демократической деятельности. Последняя исторически вытекает из элементарной классовой борьбы. При этом ей свойственно то диалектическое противоречие, что пролетарская армия впервые рекрутируется в самом процессе борьбы и в борьбе же впервые сознает задачи этой борьбы. Организация, рост сознания и борьбы являются здесь не особыми механически и во времени разделенными моментами, как в бланкистском движении, это только различные стороны того же самого процесса. С одной стороны, кроме общих основных принципов борьбы не существует готовой, заранее определенной и до мелочей разработанной боевой тактики, к которой ЦК муштровкой может подготовить членов социал-демократической партии. С другой стороны, процесс борьбы, создающий организацию, обуславливает постоянные колебания сферы влияния социал-демократии. Уже отсюда следует, что социал-демократическая централизация не может основываться ни на слепом повиновении, ни на механическом подчинении борцов партии ее центральной власти, и что, с другой стороны, между уже организованным в прочные партийные кадры ядром созвавшего свои классовые интересы пролетариата и уже захваченным классовой борьбой, находящимся в процессе классового развития прилегающим слоем пролетариата никогда не может быть воздвигнута непроходимой стены. Построение централизации в социал-демократии на этих двух основаниях — на слепом подчинении в самых мелочах всех партийных организаций и их деятельности центральной власти, которая одна думает, творит и решает за всех, а также на строгом ограничении организованного ядра партии от окружающей его революционной среды, как на этом настаивает Ленин, кажется нам поэтому механическим перенесением организационных принципов бланкистского движения заговорщических кружков на социал-демократическое движение рабочих масс. И Ленин, быть может, еще острее, чем это мог бы сделать кто-либо из его оппонентов, характеризует свою точку зрения, определяя своего «революционного социал-демократа» как «якобинца», связанного с организацией пролетариата, созвавшего свои классовые интересы. Но фактически социал-демократия не связана с организацией рабочего класса она и есть подлинное движение рабочего класса. Следовательно, социал-демократический централизм должен быть по существу другого характера, чем бланкистский. Он не может быть ничем иным, как властным выражением объединенной воли сознательного и борющегося авангарда рабочих по отношению к отдельным группам и индивидуумам; это, так сказать, «самоцентрализм» руководящего слоя пролетариата, господство его большинства внутри его собственной партийной организации. Уже из анализа действительного содержания социал-демократического централизма становится очевидным, что для него в России в настоящее время не может существовать в полной мере необходимых условий, а именно, наличности значительного, уже воспитанного в политической борьбе слоя пролетариата, и возможности проявления его самостоятельности путем прямого влияния на дела (на публичных съездах, в партийной прессе и т. д.).

Последнее условие, очевидно, может быть осуществлено только при политической свободе, первое же — выделение пролетарского авангарда, сознающего свои классовые интересы и умеющего политически ориентироваться, — находится лишь в процессе возникновения и должно служить руководящей нитью во всей агитационной и организационной работе.

Тем поразительнее кажется обратное убеждение Ленина, будто все предварительные условия для создания большой и крайне централизованной рабочей партии имеются в России уже налицо. И если он оптимистически восклицает, что теперь уж «не пролетариату», а некоторым интеллигентам в нашей партии недостает самовоспитания в духе организации и дисциплины

(стр. 145; 2, т. 8, с. 376), и прославляет воспитательное значение фабрики для пролетариата, которая уже сама по себе подготавливает его к «дисциплине и организации» (стр. 147; 2, т. 8, с. 379), то это лишний раз свидетельствует об его слишком механическом представлении о социал-демократической организации.

«Дисциплина», которую Ленин имеет в виду, внушается пролетариату не одной только фабрикой, но и казармой, и современным бюрократизмом, словом, всем механизмом централизованного буржуазного государства.

Одновременно обозначать словом «дисциплина» два столь противоположных понятия, как отсутствие воли и мысли в тысяченом и тысячеруком теле, по указке делающем механические движения, и добровольное координирование сознательных политических действий общественного слоя, такие понятия, как беспрекословное повиновение угнетенного класса и организованное возмущение класса, борющегося за свое освобождение, — значит просто злоупотреблять ходячим словечком.

Не исходя из внушаемой пролетариату капиталистическим государством дисциплины — с простой передачей указки из рук буржуазии в руки соц.-дем. ЦК, но только словив и вырвав с корнем этот дух рабской дисциплины, может рабочий класс воспитать себя для новой дисциплины — свободной самодисциплины социал-демократии. Далее, из того же соображения явствует, что централизм в социал-демократическом смысле не есть вообще абсолютное понятие, осуществимое в равной мере на любой ступени в развитии рабочего движения; скорее его следует рассматривать как тенденцию, все более и более переходящую в действительность по мере развития и политического воспитания рабочих масс в процессе их борьбы.

Конечно, недостаточная наличность важнейших предпосылок для осуществления в полной мере централизма в русском движении может явиться огромной помехой.

Однако, нам кажется, было бы ошибкой думать, что неосуществимое еще господство большинства сознательных рабочих внутри их партийной организации может быть «пока что» заменено «по доверию» единовластием центрального учреждения партии и что отсутствие публичного контроля рабочих масс над тем, что делают и чего не делают партийные органы, может быть также хорошо возмещено обратным контролем ЦК над деятельностью революционного пролетариата.

Сама история русского движения дает много доказательств проблематической ценности централизма в этом последнем смысле слова. Всемогущее центральное учреждение со своим почти неограниченным правом вмешательства и контроля, по ленинскому идеалу, было бы явной бессмыслицей, если бы оно ограничивало свою власть исключительно чисто технической стороной социал-демократической деятельности, регулированием всяких вспомогательных средств агитации, вроде доставки партийной литературы и планомерного распределения агитаторских сил и денежных сумм. Политическая цель учреждения была бы понятна лишь в том случае, если бы оно могло свои силы обратить на создание единой боевой тактики, взять на себя инициативу крупного политического действия. Но что мы, однако, видим в тех перипетиях, которые до сих пор переживало русское движение? Важнейшие и наиболее плодотворные повороты тактики за последние десять лет движения не были выдуманы какими-нибудь руководителями движения, не говоря уже о руководящих организациях, но всякий раз были самопроизвольным продуктом разгоравшегося движения. Таков был первый этап действительно пролетарского массового движения в России, начавшийся стихийной вспышкой колоссальной петербургской стачки 1896 г. и впервые открывший эру массовой экономической борьбы русского пролетариата. Таков же был и второй фазис движения — период уличных политических демонстраций, начавшийся совершенно стихийно в петербургских студенческих беспорядках в марте 1901 г. Следующим крупным поворотным пунктом в тактике, развернувшим новые горизонты, была возникшая «сама собой» массовая стачка в Ростове-на-Дону с ее импровизированной для этого уличной агитацией, народными собраниями под открытым небом, публичными речами, которые показались бы фантазией и не могли бы прийти в голову и самому смелому энтузиасту среди социал-демократов всего несколько лет тому назад. Во всех этих случаях «дело» шло впереди. Инициатива и сознательное руководство социал-демократических организаций играли крайне незначительную роль. Это, однако, происходило не столько от недостаточной подготовленности к своей роли этих специальных организаций, хотя и этот момент в значительной степени также мог оказывать влияние, еще менее, конечно, от отсутствия в то время в российской социал-демократии всемогущей центральной власти в духе развиваемого Лениным плана. Наоборот, очень вероятно, что ее наличность привела бы в тактику к еще большей растерянности отдельных комитетов партии и к противоречию между бурным натиском массы и выжидательной позицией социал-демократии. Можно даже сказать, что то же самое явление — незначительная роль сознательной инициативы партийных центров в выработке тактики — наблюдается как в Германии, так и повсюду. Боевая тактика социал-демократии в своих главных чертах вообще не «изобретается», она есть следствие непрерывного ряда крупных творческих актов ищущей своего пути, часто стихийной классовой борьбы. И здесь бессознательное предшествует сознательному, логика объективного исторического процесса — субъективной логике его носителей. Роль социал-демократических руководящих учреждений при этом имеет в значительной мере консервативный характер; как показывает опыт, раз завоевав новую почву для борьбы, они разрабатывают ее до крайних пределов, но в то же время скоро обращают ее в оплот против дальнейших новшеств более крупного масштаба.

Все удивляются замечательному многообразию, гибкости и в то же время уверенности современной тактики немецкой социал-демократии. Но это означает только, что наша партия в своей

повседневной борьбе до самых мелочей удивительно приспособилась к современной парламентской почве, что она сумела использовать целиком все то поле борьбы, которое дает ей парламентаризм, стала хозяином этого поля, оставаясь верной своим принципам. И однако это специфическое приспособление тактики уже настолько закрывает более широкие горизонты, что явно выступает склонность рассматривать парламентскую тактику как тактику неизменной, как тактику, присущую именно социал-демократической борьбе вообще. Для подобного настроения характерна, например, безрезультатность многих усилий Парвуся вызвать в партийной прессе обсуждение вопроса о соответствующем изменении тактики на случай отмены всеобщего избирательного права, хотя с возможностью такой отмены серьезно считаются вожди партии (5). Эта инертность в значительной степени объясняется тем, что очень трудно в пустом пространстве абстрактных построений представить себе контуры и конкретные формы еще не существующей и, следовательно, воображаемой политической конъюнктуры. Что для социал-демократии всегда важно, так это не предугадывание и приготовление готового рецепта для будущей тактики, а то, чтобы в партии живо сохранялись правильная историческая оценка господствующих в каждый данный момент форм борьбы, живое понимание относительности данной фазы борьбы и необходимости нарастания революционных моментов с точки зрения конечной цели классовой пролетарской борьбы.

Но наделять руководящее партийное учреждение такими абсолютными полномочиями отрицательного характера, как это делает Ленин, — значит искусственно усиливать в очень опасной степени и без того неизбежно ему присущий консерватизм. Если социал-демократическая тактика создается не Центральным Комитетом, а всей партией в целом, или, что еще вернее, всем движением, то отдельным партийным организациям, очевидно, необходима та свобода действий, которая только и дает возможность как использовать целиком предоставляемые данным положением средства для развития борьбы, так и развернуть революционную инициативу. Отстаиваемый же Лениным ультрацентрализм по всей сущности своей проникнут, на наш взгляд, не положительным творческим, но бесплодным будочническим духом. Ход его мыслей приурочен главным образом к контролю над партийной деятельностью, а не к ее оплодотворению, к сужению, а не к развитию, к зашнурованию, а не к объединению движения.

Но вдвойне рискованным является подобный эксперимент для русской социал-демократии в данный момент. Она находится накануне крупных революционных схваток за низвержение самодержавия; ей предстоит войти или, вернее, она уже вошла в полосу самой интенсивной творческой деятельности в области тактики и, что само собой разумеется для революционной эпохи, в полосу лихорадочного и скачкообразного расширения и перемещения сферы своего влияния. В такое именно время пытаться сковать инициативу партийной мысли и воздвигать колючий частокол против стремления партии к внезапным расширениям — значит тем самым делать социал-демократию совершенно неспособной к выполнению великих задач данного момента.

Из развитых выше общих соображений о своеобразном содержании социал-демократического централизма нельзя еще, конечно, вывести конкретного проекта организационного устава для Российской партии. Такой устав, разумеется, определяется в последнем счете теми конкретными условиями, в которых протекает деятельность партии в данный период, и так как в России дело идет всего лишь о первой попытке построения крупной пролетарской партийной организации, то едва ли такой устав может наперед претендовать на непогрешимость, и он, во всяком случае, должен прежде всего выдержать огненное испытание практики.

Но что может быть выведено из общего представления о типе социал-демократической организации, это крупные основные черты ее, дух организации, а он-то именно и обуславливает, особенно на первых шагах массового движения, преимущественно координирующие, сплачивающие, а не регламентирующие, не исключительные тенденции социал-демократического централизма. И если партия будет проникнута этим духом политической подвижности, соединенной со строгим отношением к принципиальной устойчивости движения и его единству, тогда очень скоро сама практика должным образом исправит угловатости любого, хотя бы и неудачно составленного организационного устава. Ибо не буква устава, но смысл и дух, вкладываемый активными борцами в него, решают вопрос о ценности той или иной организационной формы.

II

До сих пор мы рассматривали вопрос о централизме с точки зрения общих основных положений социал-демократии и, отчасти, русских условий. Но будочнический характер централизма, защищаемого Лениным и его друзьями, является у него не каким-либо случайным результатом заблуждений, а связан с проведенной у него до мельчайших деталей организационного вопроса борьбой против оппортунизма.

Дело в том, полагает Ленин (с. 52; 2, т. 8, с. 258—259), чтобы сковать при помощи их более или менее острое оружие против оппортунизма. Чем глубже его причины, тем острее должно быть это оружие.

Равным образом Ленин видит в абсолютной власти Центрального Комитета и в строгом уставном ограждении партии надежную плотину против оппортунистического течения, специфическим признаком которого он считает врожденное пристрастие интеллигента к автономизму и дезорганизации и его отвращение к суровой партийной дисциплине, ко всякому «бюрократизму» в жизни партии.

По мнению Ленина, только социалиста-интеллигента благодаря врожденной шаткости и индивидуализму может коробить столь неограниченная власть Центрального Комитета, настоящий же пролетарий, напротив того, уже в силу своего революционного классового инстинкта должен испытывать некоторое упоение всей этой строгостью, твердостью и удаленством своего высшего партийного начальства и с зажмуренными от удовольствия глазами подвергать себя всяким суровым операциям «партийной дисциплины». «Бюрократизм versus демократизм, — говорит Ленин, — это и есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов» (с. 151; 2, т. 8, с. 384). Он настойчиво ссылается на то, что та же самая противоположность централистических и автономистических взглядов обнаруживается в социал-демократии всех стран, где только противостоят друг другу революционное и реформистское или ревизионистское направления. В частности, он оперирует с примером недавних событий в немецкой партии и тех дебатов, которые разыгрались по вопросу об автономии избирательного округа (6). Уже по одному этому небезынтересно и бесполезно проводить ленинские параллели.

Прежде всего следует заметить, что усиленное подчеркивание природных способностей пролетариев к социал-демократической организации и заподозривание «интеллигентских» элементов социал-демократического движения сами по себе еще не являются выражением «революционного марксизма», наоборот, столь же легко можно показать родство этих взглядов с оппортунизмом.

Антагонизм между чисто пролетарским элементом и непролетарской интеллигенцией — это именно тот общий идеологический шит, под сенью которого протягивают друг другу руки французский полунархизм чистых профессионалистов с их старым лозунгом «остерегайтесь политиков», английский тред-юнионизм с его недоверием к социалистическим «фантазерам» и, наконец, если верны наши сведения, чистый «экономизм» бывшей петербургской «Рабочей мысли» (7) с ее перенесением тред-юнионистской узости в самодержавную Россию.

Правда, до сих пор в практике западноевропейской социал-демократии можно заметить несомненную связь между оппортунизмом и интеллигентскими элементами, равно как между оппортунизмом и децентралистическими стремлениями в организационном вопросе.

Но отрывать явления от той конкретной исторической почвы, на которой они возникают, и вычеканивать из них абстрактные шаблоны, претендующие на всеобщее абсолютное значение, — значит совершать величайший грех против «святого духа» марксизма, именно, против его историко-диалектического метода мышления.

Абстрактно рассуждая, можно только признать, что «интеллигент», как элемент по своему происхождению чуждый пролетариату и вышедший из буржуазии, приходит к социализму не в силу своего классового настроения, а лишь вопреки ему, идеологическим путем; поэтому он более predisposed к оппортунистическим шатаниям, чем сознательный пролетарий, которому его непосредственный классовый инстинкт дает надежную революционную опору, если только он не утратил живой связи со своей родной социальной почвой, пролетарской массой. Однако в какой конкретной форме проявляется эта наклонность «интеллигента» к оппортунизму, и, в частности, как именно осязательно выражается она в организационных тенденциях — это, во всяком случае, зависит от конкретной социальной среды данного общества.

Те явления в жизни немецкой, французской и итальянской социал-демократии, на которые ссылается Ленин, выросли на вполне определенной социальной почве, именно, на почве буржуазно-парламентаризма. И как вообще этот парламентаризм является специфической питательной средой для современных оппортунистических течений в западноевропейском социализме, так, в частности, из него же вырастают дезорганизаторские тенденции оппортунизма.

Парламентаризм не только лишь поддерживает все известные иллюзии теперешнего оппортунизма: переоценку значения реформистской работы, сотрудничества классов и партий, мирного развития и т. д., как мы это видели во Франции, Италии, Германии. Одновременно обособляя в социал-демократии интеллигентов в роли парламентских деятелей от пролетарской массы и некоторым образом возвышая их над ней, он создает почву, на которой эти иллюзии могут практически проявляться. Наконец, с ростом рабочего движения парламентаризм превращает его в орудие политической карьеры, делая его таким образом прибежищем для буржуазных честолюбцев и неудачников.

Всеми этими моментами определяется и известная склонность интеллигента-оппортуниста западноевропейской социал-демократии к дезорганизации и недисциплинированности.

Второй вполне определенной предпосылкой современного оппортунистического течения является наличие уже высоко развитого социал-демократического движения и, следовательно, влиятельной социал-демократической партийной организации. Последняя служит при таких условиях тем оплотом революционного классового движения против буржуазно-парламентских тенденций, который необходимо разрушить, расстроить, чтобы плотное активное ядро пролетариата снова растворить в аморфной массе избирателей.

Так возникают исторически выросшие и отлично приспособленные к известным политическим целям «автономистические» и децентралистические тенденции современного оппортунизма, и поэтому эти тенденции должны быть объясняемы не врожденной распушенностью и «хлюпкостью» «интеллигента», как полагает Ленин, а потребностями буржуазного парламентского деятеля, не психологией «интеллигента», а политикой оппортуниста.

В существенно ином виде представляется дело в самодержавной России, где оппортунизм в рабочем движении является вообще продуктом не сильного роста социал-демократии и разложе-

ния буржуазного общества, как на Западе, а, наоборот, политической отсталости этого общества. Та среда, из которой в России вербуются социалисты-интеллигенты, имеет, разумеется, гораздо менее определенный классовый характер, гораздо более деклассирована в точном смысле этого слова, чем западноевропейская интеллигенция. Правда, в связи с юностью пролетарского движения в России, это, вообще говоря, дает значительно больший простор теоретической неустойчивости и оппортунистическим шатаниям, которые приводят то к полному отрицанию политической стороны рабочего движения, то, наоборот, к обратной вере во всепоспешительность террора и, наконец, к политическому успокоению в болотах либерализма и к «философскому» — в тине кантовского идеализма.

Однако для возникновения специфически активной склонности к дезорганизации, по нашему мнению, у «интеллигента» социал-демократа не только положительная опора в виде буржуазного парламентаризма, но и подходящая социально-психическая среда. Современный западноевропейский интеллигент, который отдается культуре своего пресловутого «Я» и эту «мораль господ» тащит за собой в мир социалистической борьбы и мысли, — это тип не буржуазной интеллигенции вообще, а лишь определенной фазы ее развития, это продукт буржуазии, клонящейся к упадку, гниющей, застывшей уже в порочном круг своего классового господства. Напротив того, утопические и оппортунистические фантазии русских «интеллигентов»-социалистов обнаруживают скорее склонность принимать противоположные теоретические формы: самоотречения, самобичевания. Ведь было же «хождение» в народ, т. е. обязательное преображение интеллигента в крестьянина, для старых «народников» таким же продуктом беззаветной интеллигентской решимости, как недавний грубый культ «мозолистого кулака» для последователей чистого, «экономизма».

Совершенно иной результат получается, если решать вопрос о формах организации не путем механического перенесения готовых шаблонов из Западной Европы в Россию, а исследованием данных конкретных русских условий. Приписывать оппортунизму, как это делает Ленин, постоянную привязанность к какой-нибудь определенной форме организации, скажем децентрализации, — значит, во всяком случае, не знать его внутренней природы.

Оппортунизм в качестве такового и в организационном вопросе знает единственный принцип — беспринципность. Свои средства он всегда выбирает, сообразуясь с обстоятельствами, лишь бы они соответствовали преследуемым им целям.

И если мы, заодно с Лениным, формулируем оппортунизм как стремление парализовать самостоятельное, революционное классовое движение пролетариата и сделать его оружием властолюбия буржуазной интеллигенции, то в начальных стадиях рабочего движения эта цель скорее всего достигается не децентрализацией, а именно строгой централизацией, которая малосознательное еще пролетарское движение выдает с головой кучке вождей-интеллигентов. Характерно то, что и в Германии в начале социал-демократического движения, когда не выработалось еще ни сильного ядра сознательных пролетариев, ни испытанной социал-демократической тактики, обе организационные тенденции имели своих представителей: крайний централизм — в лице лассальянского Всеобщего немецкого рабочего союза, и, наоборот, автономизм — в лице эйзенахцев (8). При всей признанной принципиальной расплывчатости тактики эйзенахцев она вызвала значительно большее активное участие пролетарских элементов в духовной жизни партии, большую инициативность самих рабочих — доказательством может служить, между прочим, быстрый рост провинциальной прессы у этой фракции, — вообще она гораздо больше развила здоровое стремление к росту шире, чем это удавалось сделать лассальянцам, которые, несмотря на все свои опыты с «диктаторами», приходили неизбежно ко все более плачевным результатам.

Вообще нетрудно показать, что при условиях, когда революционная часть рабочей массы еще не сплочена, само движение еще шатко, словом — при условиях, подобных современным русским, как раз строгий деспотический централизм и является специфической организационной тенденцией, характерной для интеллигентского оппортунизма. Точно также как в позднейшей стадии, при наличности парламентской среды и перед лицом сильной, крепко сплоченной рабочей партии, соответственная тенденция интеллигентского оппортунизма выражается, наоборот, в децентрализации.

Именно с точки зрения ленинской боязни пагубного влияния интеллигенции на пролетарское движение его собственные организационные взгляды крайне опасны для русской социал-демократии.

На самом деле ничто так легко и верно не поработает еще юного рабочего движения властолюбивой интеллигенции, как сковывание его панцирем бюрократического централизма*, принижающего борющийся пролетариат до роли послушного орудия в руках «комитета».

И наоборот, ничто так не застраховывает рабочего движения от всяких оппортунистических злоупотреблений со стороны честолюбивой интеллигенции, как революционная самостоятельность пролетариата, как повышение в нем чувства политической ответственности.

И в самом деле, призрак, который сегодня лишь грезится Ленину, завтра легко может стать реальной действительностью. Не будем забывать, что революция, канун которой мы переживаем в России, не пролетарская, а буржуазная революция, которая сильно изменит всю обстановку социал-демократической борьбы. Тогда и русская интеллигенция очень быстро пропитается

* В Англии именно фабриканты, особенно Веббы, являются самыми рьяными сторонниками бюрократической централизации и противниками демократических форм организации.

ясно выраженным буржуазно-классовым содержанием. Если сегодня социал-демократия является единственной руководительницей русской массы, то на другой день после революции буржуазия, и прежде всего ее интеллигенция, естественно будет стремиться превратить массу в пьедестал своего парламентского владычества.

Чем менее в переживаемый период борьбы будут развиваться самостоятельность, свободная инициатива, политический смысл наиболее зашевелившегося слоя рабочих, чем более их будет водить в помочах и муштровать социал-демократический ЦК, тем легче будет игра буржуазных демагогов в обновленной России, тем вернее жатва сегодняшних трудов социал-демократии попадет завтра в амбары буржуазии. И прежде всего в корне ошибочна сама основная мысль ультрацентрализма — преградить оппортунизму доступ в рабочее движение при помощи организационного устава.

Под непосредственным впечатлением последних событий во французской, итальянской и германской социал-демократии (9) и русские социал-демократы, очевидно, стали склонны смотреть на оппортунизм вообще как на примесь, чуждую самому пролетарскому движению и приносимую в рабочее движение лишь извне буржуазно-демократическими элементами. Если бы это было и так, уставные организационные рамки сами по себе были бы совершенно бессильны против вторжения элементов оппортунизма. Раз массовый приток непролетарских элементов в социал-демократию является следствием таких глубоких социальных причин, как быстрое экономическое крушение мелкой буржуазии и еще более быстрое политическое крушение буржуазного либерализма, отрицание буржуазной демократии, то наивная иллюзия воображать, будто той или иной формулировкой партийного устава можно создать плотину против бурного напора этой волны. Параграфами можно подчинять себе жизнь лишь небольших сект и частных обществ, исторические же течения всегда умели пробиваться сквозь самые хитрые параграфы. Кроме того, весьма ошибочно и самая мысль, будто в интересах рабочего класса преграждать массовый приток элементов, выделяемых прогрессивно-разлагающимся буржуазным обществом. Положение, что социал-демократия, классовая представительница пролетариата, является вместе с тем представительницей всей совокупности прогрессивных интересов общества и интересов всех страдающих и угнетенных буржуазным общественным строем, не должно понимать лишь в таком смысле, что все эти интересы идейно обнимаются программой социал-демократии. Это положение воплощается в действительность в форме исторического развития, в силу которого социал-демократия как политическая партия становится все более и более прибежищем самых разнообразных недовольных элементов и вместе с тем действительной партией всего народа против ничтожного меньшинства господствующей буржуазии. Нужно только, чтобы социал-демократия умела все непосредственные печали и надежды этой пестрой, бегущей за нею толпы неизменно подчинять конечным целям рабочего класса, дух непролетарской оппозиции ввести в рамки революционного пролетарского действия, словом, чтобы она умела ассимилировать протекающие к ней элементы, переварить их. Последнее же возможно только там, где, как ныне в Германии, тон в социал-демократии уже задает сильное, политически воспитанное пролетарское ядро, достаточно сознательное для того, чтобы взять на революционный буксир притекающие к партии деклассированные и мелкобуржуазные элементы. В этом случае и более строгое проведение централистического принципа в организационном уставе, и более суровая формулировка партийной дисциплины в его параграфах весьма целесообразны в качестве плотины против оппортунистических течений. При этих условиях организационный устав, несомненно, может служить орудием в борьбе с оппортунизмом, как он и послужил на самом деле французской революционной социал-демократии против натиска жоресистской мешанины (10); в этом же смысле стал теперь необходим пересмотр немецкого партийного устава в этом направлении. Но и в этом случае партийный устав должен быть не каким-то самодовлеющим оружием для борьбы с оппортунизмом, а лишь последним принудительным средством для приведения в исполнение руководящей воли фактически имеющегося налицо революционного пролетарского большинства партии. Если такого большинства еще нет, никакие самые суровые бумажные параграфы не заменят его.

Однако этот наплыв буржуазных элементов, как сказано, не является единственным источником оппортунистических течений в социал-демократии. Напротив того, другой источник заключается в сущности самой социал-демократической борьбы, в ее внутренних противоречиях. Всемирно-историческое движение пролетариата к победе есть процесс, особенность которого заключается в том, что здесь впервые в истории народные массы сами и вопреки всем господствующим классам выполняют свою волю, но осуществление этой воли должны перенести по ту сторону современного общества, за его пределы. Но с другой стороны, выработать в себе эту волю массы могут лишь в повседневной борьбе с существующим порядком, т. е. только в его рамках. Широкая народная масса, с одной стороны, и цель, выходящая за пределы всего существующего порядка, — с другой, повседневная борьба и революционный переворот — таково диалектическое противоречие социал-демократического движения; и отсюда вытекает для него необходимость между утратой массового характера и отказом от конечной цели, между возвращением к состоянию секты и превращением в буржуазное реформистское движение.

Поэтому совершенно неисторической иллюзией является мысль, что раз навсегда может быть обеспечено революционное направление социал-демократической тактики, что раз навсегда рабочее движение может быть застраховано от оппортунистических шатаний. Правда, учение Маркса дает непреодолимое оружие против всех основных типов оппортунистической мысли. Но так как социал-демократическое движение и угрожающие ему подводные камни порождаются

не людскими измышлениями, а общественными условиями, то нельзя заранее предотвратить возможность оппортунистических шатаний; лишь само движение может преодолеть их, конечно, с помощью оружия, даваемого марксизмом, после того как они приняли на практике осязательную форму. Рассматриваемый под этим углом зрения оппортунизм представляется продуктом и самого рабочего движения, неизбежным моментом его исторического развития. Именно в России, где социал-демократия еще молода, а политические условия рабочего движения так ненормальны, оппортунизм пока должен возникнуть в значительной мере из этого источника, из неизбежного развития тактики ощупью и путем экспериментов, из необходимости вести текущую борьбу в таких своеобразных беспримерных условиях и в то же время в согласии с основными принципами социализма.

Если это так, то тем более удивительной кажется мысль — в самом начале рабочего движения устранить возможность возникновения оппортунистических течений той или иной формулировкой организационного устава. Попытки поразить оппортунизм такими буржуазными средствами на самом деле могут нанести глубокий удар не ему, а лишь самой социал-демократии; прекращая в ней биение здоровой жизни, они ослабляют ее стойкость в борьбе не только против оппортунистических течений, но и — что ведь также должно бы иметь некоторое значение — против существующего общественного строя. Средство обращается против цели.

В этом боязливом стремлении части русских социал-демократов опекой всеведущего и вездесущего ЦК предохранить от ложных шагов столь многообещающее и жизнерадостно развивающееся рабочее движение нам слышится, впрочем, отголосок того самого субъективизма, который уже не одну шутку сыграл с русской социалистической мыслью. Поистине забавны прыжки, которые бывает подчас удобно проделывать почтенному человеческому субъекту истории в его собственном историческом процессе. Раздавленное и стертое в порошок русским абсолютизмом «Я» берет реванш тем, что в самой революционной мысли сажает самого себя на трон и объявляет себя всемогущим — в образе заговорщического комитета, именем несуществующей «Народной Воли». Но «объект» оказывается сильнее, и кнут скоро празднует победу, ибо он представляет собою «законное» выражение данной стадии исторического процесса. Наконец, на сцене появляется еще более законное дитя исторического процесса — русское рабочее движение; впервые в русской истории оно с величайшим успехом кладет начало созданию действительной народной воли. Но тут «Я» русского революционера поспешно становится на голову и снова объявляет себя всемогущим вершителем истории, на этот раз в собственной персоне его величества «центрального комитета» социал-демократического рабочего движения. При этом ловкий акробат не замечает, что единственным субъектом, к которому теперь перешла роль вершителя судеб, является массовое «Я» рабочего класса, упорно требующего себе по всей линии права самому делать ошибки и самому учиться исторической диалектике. И в конце концов, скажем, между нами, открыто: ошибки, совершаемые действительным революционным рабочим движением, исторически неизмеримо плодотворнее и ценнее непогрешимости наилучшего «центрального комитета».

1. Письмо К. Каутского было опубликовано в № 66 «Искры» за 1904 г., статья Р. Люксембург появилась в № 69 газеты и одновременно увидела свет в журнале СДПГ «Die Neue Zeit».
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
3. Мартов Л. Борьба с «осадным положением» в Российской С/Д Рабочей партии. Женева, 1904.
4. Закон, запрещающий деятельность СДПГ, действовал в Германии с 1878 по 1890 г. В этот период партия находилась на нелегальном положении.
5. Имеются в виду А. Бебель и В. Либкнехт.
6. В 1904 г. в СДПГ шли споры по вопросу о правах центра вмешиваться в дела местных организаций партии, в частности в ход избирательных кампаний. К. Каутский защищал права центра против «автономизма».
7. Газета «Рабочая мысль» — орган «экономистов», выходила с октября 1897 г. по декабрь 1902 г.
8. Всеобщий германский рабочий союз возник под руководством Лассалья в 1863 г. Социал-демократическая рабочая партия Германии создана усилиями Бебеля и Либкнехта на съезде «Союза немецких рабочих обществ» в Эйзенахе в 1869 г.
9. Вероятно, автор имеет в виду борьбу с ревизионизмом, которая происходила в начале 900-х годов во многих социалистических партиях в связи с выступлениями Бернштейна и вхождением Мильерана в буржуазное правительство.
10. С 1902 г. Жорес был лидером реформистской ФСП, в которую одно время входил в Мильеран. Революционные же социалисты во Франции в 1901 г создали СПФ, которая объявила, что участие в буржуазном правительстве ставит социалиста вне партии.